

ИЛЛЮЗЮОН

АНА ГРАТЕСС

12+

Ана Гратесс

Иллюзюон

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67470624

SelfPub; 2022

Аннотация

Изумрудная бестия, могучая настолько, что может рассыпать целую Вселенную на мелкие смешные частички, а потом снова собрать ее воедино. Но не как прежде. Это настоящее с большой буквы волшебство. Стеклашка проводит свое бытие в изумрудности Иллюзюона, готовясь к изменениям. Многие времена проплывают сквозь эти причудливые материи. Через сущность проносятся картинки-образы, которые той нужно прожить заново, чтобы смочь преобразиться для новой жизни. Изумруд честно делает свое хитрое дело.

Ана Гратесс

Иллюзион

– Оно ли красит твое бытие, скажи мне? – Сказало пространство.

На этих словах оно показало Стекляшке картинки-образы прошлого, в котором пестрели города из камня и кристаллического присутствия. Как красиво оно блестело на звездном свете...

Определенно это красило мое бытие!

– Да! Я столько планетарных систем проплакал_а в поисках этих самых городов, этого чарующего времени. Но все напрасно. Не смог найти!

Крученность изумрудная нежно улыбнулась, приобнимая Стекляшку. А она думала: «Я ли то есть, или просто третье лицо?» Дадим же ей или ему...

– Мне сразу было ясно, в чем загвоздка Параллелограмма ритуала, просто не подала виду. Если бы они узнали, что мне все известно, то они бы меня сразу сбросили в бездну.

– Конечно! Все так и было. – Изумрудная славно была полностью согласна со мной.

Меня это радовало, а еще прибавляло сил.

– Все эти белые камни лиловой планеты, из них были созданы палаты замка-крепости. А там суши всяческие сно-

вали и золотом пыхали иллюзорные дамы в шляпках. Меня с ними так сказать «скрещивали», чтобы моя сознательная матрица состыковалась с куполом Иллюзюона.

– Со мной шутки хороши всегда! – Весело отвечала изумрудность.

А Стекляшка начала раздумывать над своим положением и почему она оказалась тут и почему хода в «реальность» ей нет. А так ли было на самом деле? Где это пресловутое «на самом деле» находится?

– Удивительна порода ваших натурностей, я вам скажу, милое создание. – Сказал достопочтенный Иллюзюон, преобразовывая спокойное и мерно текущее пространство в волнообразную воронку.

– О чем ты толкуешь, красота? – Спросила Стекляшка, снова потерявшаяся в третьем лице.

– Твоей же сознательной прыткости. Вот о чем!

Эта градация напомнила стёклу о его «подвешенном» положении. Внешние достигли освобождения и рады тому, а центральному лицу, с помощью которого все и стало возможным, досталось бытие в странной формации. Хоть и красивы были переливы изумрудных волнований, но было непонятно что здесь делать, и как долго придется пробыть здесь.

– Ровно столько, сколько потребуется для осознания тобою самое себя.

Красочного вокруг делалось ежесекундно. Внутренние шутки постепенно переходили во внешнее пространство.

Иллюзион непонятно чем рисовал себя перед Стекляшкой.

Был ли он другом, чем-то средним ли был он, либо врагом, мимикрирующим под медитативное существо? Как вообще стало понятно, что вся эта изумрудность – существо, а не безмолвная среда, типа космоса?

Может стёклу кажется, что с ним ведут беседы... А может и нет. Как проверить?

– Нет разницы в сем, прозрачность ты этакая. – Ответила изумрудность.

Вот и думать нечего!

«Во цветке бы оказаться нечаянно. Вот бы пересмотреть все свои подглядывания, да вспомнить какого это чувство – эйфория».

– Все, что угодно вашей разнеженной славности.

У Стекляшки в сознании начали возникать картины ее старых приключений и эти картины имели очень живой вид.

«Я словно вижу настоящее!»

Да, теперь эти образы снова реальны. Оживают да открываются погребенные некогда сундуки.

– Наверно, в настоящем они были живее, чем эти пришедшие. Пускай прозрачность забавляется сколько ей влезет, ибо времени уйма. Времени целые нескончаемые вагоны!

Работа ум и разум строит на двести пятьдесят цепочек вперед. Перед глазами висится большая статуя из обычного

серого камня. Внизу этой статуи щебечет стёкл, вылавливая самые сочные кадры из находившейся, в это время в статуе, горстки цыплят.

Стекляшка жадно ловила кадры, как цыплячье стадо поклоняется обожествленному камню, как кланяется серому постаменту ноги клюя.

Абсурдная картинка, но для стёкла эта самая любимая и дорогая сердцу образность. Образ тут в чем? Не в молодых цыплятах тут дело и не в поклонении «мертвому» камню, а в воздушных решетках, которые сознание Стеклашки вылавливают на раз-два. Это ее эротизм. Когда щекочут «нервные окончания» интуитивного разума.

Может быть зыба слишком сложна и непонятна, и пусть. Главное, что прозрачность снова может наблюдать все эти картины.

Иллюзюону нет дела до морали и каких-либо принципов. Сей изумрудности нужно чтобы сознание стеклянного осколка очистилось, а для этого требовалось вновь проиграть самые заряженные эпизоды из жизни.

«Текущего много или мало?» – Спрашивала себя прозрачность и снова окуналась в экстазные картины. Абстракциями иногда пахло густо, как вот сейчас:

Рамен или коричневая лапша смешивались с соусом песто и кофейными зёрнами. Далее, все это взбивалось в блендере на средних мощностях. А потом эта дивная смесь разливалась по стеклянным стаканам, в которые любезно втыкали

маленькие зонтики из рисовой бумаги и зубочистки бамбука.

Напиток подавали влюбленным парам, чьи обручальные кольца начинали звенеть над горизонтом их совместной жизни. Стекляшка жадно впитывала морщинистые лица молодости, в моменты, когда они только пригубляли чудную смесь. А глотание сей жижи проходило как раз в момент визуального оргазма стёкла.

Казалось, в этих картинах его сущность распадалась подобно пазлу, состоящему из триллиона частей. Даже поэтические строчки возникали у Стекляшки, когда она вытирала глаза от радужных слезок.

И утра день и вечера канитель
Смешно находит оно в сердцах
Погребенное, мечтами выплаканное!

Вот такое забавное трехстишие пришло изумрудности, когда еще одна вежа жизни пронеслась через стёкла. Животы у зрителей могли уже давненько лопнуть, если бы не кавардачное письмо внешнего наблюдателя.

Кристалльные плоскости уже начали подбирать прозрачность стеклянную, когда та окуналась и выныривала из еще одного образа-картинки. Уже пришла пора начинать очищение.

Цветами вымащивалась дорога назад, в дом светлого серд-

ца. Цветными образами красился путь, ведущий в домашнюю обитель. Сердечная гладкость или душевная колкость – беда на том не строится, а показывается так созидательное созерцание.

Деятельность деятельными прыжками сама собой забрала всю краску прошлых походов Стегляшки. Теперь нужно было смочить перья в иссиня-черные чернила, да исписать пару десятков строк о природе экстазов.

Рыбные лапы, или рабы лепия, или доблесть морского промысла – все это несло навстречу изумрудности Иллююна. Он принимал се картинки в свое чрево, чтобы потом выстлать из них стены своего крошечного и шаткого замка.

Для стёкла и этой формы будет достаточно, чтобы поколебать его сознательные потоки. Для нового не жалко драгоценного сырья!

– Настал черед и для тварной природы.

Очнулась Стегляшка уже в сотканном платье из материи, напоминающей конфетные лоскутки. Ей было хорошо и легко. Внутри плавали золотистые рыбки, а цветением сердца можно было заслонить свет самого солнца. Вот как было прекрасно на душе у стеклянного осколка. Постепенно осколочная радость приобретала вид цельного куска Стегля.

Без смешков то происходило, самым гармоническим образом оно производилось. Радостно было всему окружающему пространству. В изумруде начала проступать золотая с

розовым пыльца. То свет звезд проникал в некогда закрытые области стеклянного бытия.

Иллюзюон делал все возможное. Он отражал лучшее, что есть в его гостье-госте. Этому конца будто бы не привиделось, но это было не так! Се есть искусная абстрактная иллюзия, полная всяких запутанных закутков.

Стекло расправило косточки. Прозрачными веерами обмахивало свое новое тело. Сознание пестрыми птичками взлетало к звездным небесам. Все это как пластинка с золотыми хитами – сделала для себя подложку к вечности.

Мячик тут как тут, некая сумка с драгоценностями открывает крышку для заинтересованных. Стекло здесь, и оно расправилось со Стекляшкой.

– Да будет почтенен твой взор, обращенный к вечным истинам! – Вымолвил Иллюзюон.

– Да будут славны твои гладкие тела и да будут они известны на многие и многие сотни и тысячи и миллиарды световых лет вокруг! – Трещал вездесущий изумруд.

Его славность Стекло встало в полный рост и сразу достигло головой прозрачного полонка, через который было видно Галактику и ее ближайших соседок. Как красив был вид и как хотелось протянуть руки туда, в невероятное далеко, чтобы пощупать Вселенную, познакомиться с ней поближе!

– Да это же сказка... – Мечтательным голосом промолвило Стекло, замороженно наблюдая за все убыстряющимся

движением звезд.

– Они танцуют свой танец, ведущий от жизни к смерти и наоборот. Бессчетные, неисчислимы вечности! – Иллюзюон приобнял Стекло за его блестящие плечи.

И пыльца цветочная снова начала падать на плодородные земли. И выросли дивные соцветия, растений род чудесный. Деревья ласкал теплый ветерок. И стоило только закрыть глаза, чтобы в мгновение неизвестности на пустых пространствах воссоздались восхитительной красоты города.

Возможно ли чудо без вмешательства внутреннего наблюдателя? А если представить, что ему могут «подложить», через подсознание, нужные картинки, таким образом, чтобы наблюдатель ничего не заметил? Он станет думать, что это его идеи, его собственные.

Мысленные колыхания трепещут от новой искренности. Метамодерна шепотка, абстракции горсточка и еще пару кусочков нео-сюрреализма.

Жутковатое получается смешение, но только на первый неискушенный взгляд. На второй, при условии, что наблюдатель сыпется от своей исключительности, уже можно уловить некую структуру.

Кристаллические решетки здесь. Параллелограмма гора тоже пришла навестить друга своего. Изумрудный Иллюзюон только рассмеялся и отошел в сторонку, оставив старых знакомых друг с другом.

Сияние Стекла вышло первым.

– Мне думалось, что ты навечно унесся в свои странствия по лиловым краям.

– Душечка моя, ведь ты обновился. И как много информации могло упорхнуть по блистающим граням смеха. – Сказал Параллелограмм.

Певучие смешки рывками выталкивались из кристалльных легких. Зыбкий воздух наполнялся игривым вдохновением.

– Хочу завершить этот поход, а также славность Иллюзюона, ибо он сделал свое дело – я очистился, и новая жизнь влилась в меня.

– А я хочу, чтобы ты стал Оной! – Весело взревела параллелограммова туша.

– Нет ни малейшей проблемы, почему я не могу этого сделать. – Ответило Стекло и протянуло свои руки к изумрудности.

Иллюзюон быстрым движением пространства-времени изменил структуру Стекла на А.

Стёкла отряхнулась, отмахнулась от сонливого действия. А кристаллическая решетка в изумлении пала на цветущую и густо пахнущую свежестью землю.

– Ну что ж, я красотой с большой буквой А стала!

– Вижу, доблесть звездная. Позволь прикоснуться к тебе...

Стёкла кивнула и выставила изящную ножку по направлению к Параллелограмму. А тот принялся целовать стеклян-

ное пиршество, причмокивая от удовольствия. Так он касался-целовал многие многие минуты, покуда изумрудные пространства все больше золотились симпатией.

– Твоей бы милости снизойти до нас, простых смертных, простых носителей кристалльных решеток. – Упали на колени параллелограммовы кости.

– Мне приятно твое внимание, умык, но для меня уготована другая участь, которую я придумала и расписала истинно для себя. – Ответила Стёкла и прибрала выставленную ножку.

Разразился Параллелограмм плачем безмерным. Стали слезы топить ни в чем неповинные цветы и растения и вскоре из пространства пришлось улетать быстро и резво, чтобы не стать утопленниками.

Стёкла с Иллюзюоном распрощались, обнялись и пошли кто-куда по своим траекториям. А горюющий Параллелограмм таки смог собрать себя для еще одного рывка в новую жизнь, уже без всяких кристаллических решеток. Он возвращался Домой, на Землю, где его заждались его милые полупрозрачные детки.

Кристалтапусам была оставлена их планета, и они очнулись еще раз, окунув свои прекрасные ярко-розовые вихры голов в очищающее озеро изумрудного цвета, которое им создали их дорогие старожилы.

Смотрели они ночами на звездное небо, воображая, где же могут быть их старые друзья. Где же странствовала Стёкла,

где красовался чудаковатый Иллюзоон, а где же находился Параллелограмм со своими энергетическими мощностями?

Преобразования коснулись все формы жизни той мерности. Это и хорошо, и замечательно.

Свежая трава под прозрачными ногами приятно щекотала пяточки. Дивно пахли только что созревшие ягоды и плоды фруктов. Сочные нежности складывались на голове у Стёклы, образуя забавные городки.

Галактика писалась и рисовалась со вкусом сладкого пирога.

Всему хорошему – всех добрых дорог!

От автора

Приветствую вас, уважаемые читатели, это я, Ана Гратесс! Если у вас есть вопросы или предложения, то можете писать мне на почту или в социальные сети:

– rosegratesss@gmail.com

– VK/Telegram: @anagrattess

Остальные ссылки на различные художественные портфолио, мерч, соцсети: <https://linktr.ee/anagrattess>

Помимо электронных версий, некоторые мои работы доступны и в бумажном исполнении, которые можно приобрести в маркетплейсах Wildberries, Ozon и AliExpress. Пишите в поисковых строках имя Ана Гратесс!

Этот рассказ войдет в будущий сборник, который будет выпущен как в электронном формате, так и в бумажной версии.

О новинках можно будет узнать, подписавшись на страницу автора на ЛитРес.